

А
Институтки: Сборник повестей / Состав Е. Путиловой.-- М.: ТЕРРА, 1997. -- 607 с: ил. -- (Библиотека для девочек).

OCR Kapti, сентябрь 2006 г.

Домашняя и институтская жизнь девочек дореволюционной России предстает перед современным читателем во всех подробностях. Как в прошлом веке девочки получали образование, какие порядки царили в учебных заведениях для девочек, чему их учили, за что наказывали -- обо всех переживаниях, проказах и горестях рассказывает увлекательная и трогательная повесть непосредственной свидетельницы событий.

Н. ЛУХМАНОВА

ДЕВОЧКИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РАМКА ДЕТСКОЙ ЖИЗНИ

I

Няня

"Человеческое счастье лежит в светлых воспоминаниях детства".

Если мне не изменяют мои детские воспоминания, то в конце царствования императора Николая I Павловский кадетский корпус помещался там, где впоследствии было Константиновское училище, а теперь находится артиллерийское (*ныне Московский пр., 17.*) Я родилась в этом здании и провела в нем свое раннее детство; в памяти моей навсегда сохранилось впечатление очень больших комнат, широких нескончаемых коридоров, громадных лестниц -- словом, ощущение простора, широты, высоты и света. То же самое встретило меня и в Павловском институте, куда я поступила восьми лет, и это привило мне на всю жизнь потребность свежего и холодного воздуха; в маленьких теплых комнатах я задыхаюсь и начинаю тосковать, даже мыслям моим становится тесно, и я ощущаю какое-то нервное беспокойство.

Отец мой, полковник в отставке, был экономом Павловского корпуса и Павловского же института для благородных девиц. Как смотрел он на такую "выгодную" тогда службу, имел ли много побочных доходов -- не знаю! Я слышала, что отца очень любили все: и офицеры, его товарищи по службе, и кадеты -- и что при нем не было ни "кашных", ни "кисельных" бунтов.

История этих "возмущений", за которые и был смещен предшественник отца, так часто рассказывалась в нашей семье, что мне казалось долго, будто я сама присутствовала при том, как кадеты, возмущенные тем, что слишком часто к ужину получали гречневую размазню на воде, почти без масла, решились наконец отомстить эконому. Заговорщики явились в столовую с мешочками и фунтиками, свернутыми из толстой бумаги, и, наполнив их кашей, спрятали в карманы. Пользуясь тем, что из столовой, находившейся в отдельном флигеле, приходилось идти в дортуар мимо квартиры эконома, они сложили всю эту кашу грудой у его двери. Проходивший в последней паре дернул звонок; дверь отворил сам экономом, поскользнулся на размазне и чуть не скатился вниз по лестнице.

Так ли случилась эта история -- не знаю, но такую именно она представлялась моему воображению, такой я рассказывала ее всегда в институте, с восторгом представляя себе эконома, сидящего на жидкой размазне.

Кисельный бунт выразился в том, что кадеты не притрагивались к этому блюду в течение целой недели, а экономом, ведя с ними борьбу, каждый день угощал их киселем.

Отец, наверно, кормил кадетов порядочно. У него в Павловском корпусе воспитывались три племянника, которые впоследствии, когда приходили навещать меня в Павловский институт, с гордостью заявляли мне, что их никогда не били за дядю, а корми он худо, им так намяли бы бока, что -- у!!!

Жила моя семья, должно быть, весело и шумно. Когда я вызываю свои самые ранние воспоминания, в памяти воскресают две совершенно разные картины. В одной я вижу очень светлые комнаты, с массой гостей, с зелеными карточными столами, с роялем, за которым играют, поют... Из всех деталей этого великолепия яснее всего я помню большие подносы с конфетами и себя, крошечную девочку, в нарядном платье, с рыжими локонами, всегда за руку со своей няней Софьюшкой, которая

А